

ДОДЕКАЛОГИЯ «ХРОНИКИ РУССКОЙ ВИНЫ»

ТРИЛОГИЯ 1 · «АНАТОМИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

КНИГА 3

ИНДУСТРИЯ СКОРБИ

ГЕНРИХ АЛИ БАБА

Генрих Баба

Книга 3. Индустрия Скорби

<https://litres.ru/74672483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга 3

Тайга, где снег идёт чёрным.

Сыщик приезжает в город, которым правит женщина без страха, — и находит конвейер, стирающий не совесть, а личность. Здесь платят памятью, а последний патрон стоит дороже жизни.

«Индустрия Скорби» завершает Трилогию I додекалогии «Хроники Русской Вины»: там, где заканчивается лёд, начинается настоящая цена свободы.

Генрих Али Баба

Книга 3. Индустрия Скорби

Книга 3. Индустрия Скорби

Акт I. Черный снег

Часть 1. Хозяева вечной мерзлоты

Глава 1. Черный снег Заполярья

Север умел убивать красиво — с холодным, ледящим душу изяществом хищника. Но чаще он делал это буднично, медленно и неотвратно, оставляя на зубах вкус старого, проржавевшего насквозь железа.

Здесь, за полярным кругом, столичный дождь наконец сдох, захлебнувшись собственными слезами. Вместо него с низкого, налитого свинцом неба валила липкая, сажистая крупа. Она оседала на ошметинившихся ржавчиной крышах гигантского никелевого комбината, тут же намертво смешиваясь с удушливой угольной гарью из изрыгающих дым труб. Настоящего, звенящего белого снега в моногороде Н-ске не видели уже последние тридцать лет. Земля, перекошенные заборы, редкие, задохнувшиеся в копоти чахлые ели — всё вокруг было затянуто ровным, маслянистым саваном черной сажи.

Я глубоко затянулся дешевой сигаретой без фильтра. Едкий дым пополам с морозным, обжигающим воздухом при-

вычно полоснул по легким. Сросшиеся после «гостеприимных» допросов Мясника ребра отозвались глухим, ноющим протестом. К этой тупой боли я уже почти привык; она служила моим единственным надежным компасом, безмолвно напоминавшим, что я еще не превратился в безвольного, стерильного «овоща» из ублюдочной клиники «Летэ».

Мой новый офис — если можно было без горькой усмешки назвать так обледенелую будку ночного сторожа на заброшенном химическом складе №4 — насквозь пропитался въедливым запахом махорки, солярки и мышиного помета. Мутное окно из толстого армированного стекла упиралось взглядом в бесконечные ряды ржавых цистерн, помеченных зловещими желтыми знаками «Токсично». Половину моей нищенской зарплаты пожирала аренда конуры в серой панельной пятиэтажке, а вторая половина уходила на дешевую водку, которой я безуспешно пытался заглушить надсадный кашель.

Лизу я спрятал в тридцати километрах отсюда, в полувымершем поселке геологов, выдав ей чужое имя. Она медленно, мучительно собирала себя по осколкам. По ночам она всё еще вскрикивала в липком поту, судорожно пытаясь сорвать с головы невидимые наушники с безжалостным кодом Елены Власовой, но днем уже могла подолгу неподвижно смотреть на мертвый заполярный горизонт — хотя бы без той пугающей, стеклянной пустоты в глазах.

Я бросил взгляд на потрепанные часы, висевшие над пуль-

том. Три часа ночи. Полярная ночь — штука коварная и обманчивая: время здесь теряет всякий смысл, застывая и превращаясь в один бесконечный, испачканный мазутом черновик.

В этот момент стрелка старого дизельного генератора в углу будки испуганно дернулась, и тусклая лампочка под толчком жалобно мигнула, едва не умерев окончательно. А снаружи, у массивных железных ворот склада, вдруг раздался утробный, натужный рев форсированного мотора. Так ревели только тяжелые правительственные броневики, которым плевать на метровые заносы и ледяную бронь дорог.

Я медленно, без суеты опустил руку в глубокий карман засаленного ватника. Пальцы привычно и тепло легли на холодную, стертую до блеска рукоять «Кольта». Магазин был полон. Жестокий опыт выживания вцепился в меня мертвой хваткой: если за полярным кругом к тебе заявляются в три часа ночи, гуманитарную помощь они точно не везут.

Слепящие лучи фар длинного черного «ЗИС-110» пробили плотную пелену тумана и в упор ударили в мое окно, заливая будку мертвенным белым светом. Из салона автомобиля никто не спешил выходить — прошло минуты три тягостного ожидания. Двигатель работал ровно, сыто урча и выплевывая в промерзшую ночную мглу густые клубы белого пара. Наконец тяжелая задняя дверь плавно отворилась.

На растоптанный, почерневший снег опустился безупречный сапог из мягкой крокодиловой кожи на низком, устой-

чивом каблук.

Женщина, шагнувшая из чрева машины, казалась абсолютным, инородным кошмаром среди этой индустриальной помойки. На ней было длинное мужское пальто из тяжелого армейского сукна, роскошно подбитое по воротнику серебристой чернобуркой. Никаких платков или шапок — лишь короткая, жесткая стрижка цвета воронова крыла, в которой зловещими искрами мерцала первая благородная седина. А лицо... это лицо было будто высечено из того же холодного гранита, на котором стояли здешние циклопические комбинаты. Волевой, упрямый подбородок, тонкие ниточки губ, начисто лишенные помады, и глаза — темные, глубокие, бездонные, глядящие на этот мир с непоколебимым, абсолютным правом хозяина насилия.

Марта «Железная» Демидова.

Полновластная владычица этого проклятого моногорода, генеральный директор комбината и женщина, сумевшая поставить человеческую скорбь, кровь и каторжный труд тысяч несчастных на поток безупречного, приносящего миллиарды механизма.

От нее не пахло приторной полынью или искусственным мускусом, как от проклятых сестер Власовых. Когда она толкнула хлипкую дверь моей будки, вместе с ней внутрь ворвался резкий, обжигающий коктейль из дорогого французского коньяка, свежего мазута и ледяного дыхания арктической пустыни.

— У тебя паршивое укрытие, детектив, — бросила она.

Ее низкий, прокуренный голос с жесткими металлическими нотками не терпел возражений. Она не задавала вопросов — она выносила приговор.

— В этой дыре слишком сильно дует из всех щелей.

Марта качнулась вперед, небрежным, но тяжелым движением плеча оттолкнула меня с дороги и с глухим стуком бросила на мой щербатый стол массивную шкатулку, обитую потемневшим железом.

— Клиника «Летэ» обратилась в пепел, твоя подружка-хирург кормит червей под суглинком, а «Немой» официально испарился, угодив в списки пропавших без вести.

Демидова резко развернулась ко мне, и в пляшущем свете умирающей лампы я разглядел глубокий, безобразный шрам, тянувшийся от ее левого уха к шее — искусно спрятанный под высоким воротником.

— Но дело их живет и процветает. Тот самый химический концентрат, которым Елена выжигала память твоим столичным друзьям, варился здесь, в цехах моего секретного завода. И прямо сейчас на моих складах не досчитываются ровно трех цистерн этой отравы. А ровно час назад в поселке геологов засекли девчонку, которая слишком громко и надрывно кричит по ночам.

Марта подалась вперед, сокращая дистанцию до минимума. Ее темный взгляд впечатал меня в стену надежнее любых стальных тисков.

— Нас ждет долгая, черная зима, сыщик. И если ты не хочешь, чтобы эту девчонку пустили на живое сырье для новой партии «Забвения», тебе придется стряхнуть пыль со своих старых навыков. Время пошло.

Глава 2. Литейный цех для душ

Броневик Марты Демидовой пропахивал заводские лабиринты, тяжело и ненасытно перебирая колесами, словно гигантский черный жук, прогрызающий ржавые внутренности мертвой цивилизации. За бронированным стеклом безмолвно плыли циклопические скелеты градирен, переплетения зловещих газопроводов и глухие, уходящие в слепую ночь бетонные заборы, оплетенные ржавой колючей проволокой. Воздух здесь, в самом сердце комбината, казался настолько густым, удушливым от тяжелой взвеси диоксида серы, что фары «ЗИС» лишь беспомощно резали желтоватую, кисельную муть.

Мы затормозили у тридцать четвертого корпуса — брошенного электролизного цеха, мертвого еще со времен развалившегося Союза. Огромный прямоугольный ангар из потемневшего от вековой копоти кирпича возвышался над землей как надгробный памятник забытой эпохе.

— Охрана остается в машине, — бросила Марта через плечо, ее голос резал морозный воздух, как лезвие. Она шагнула из салона прямо в липкую, смерзшуюся жижу из мазута и черного снега. — Сыщик, за мной. Посмотрим, как твой

бледный профиль смотрится в естественных декорациях.

Тяжелая железная дверь цеха поддалась не сразу, выдохнув с натужным, металлическим стоном. Внутри нас встретил могильный, звенящий холод. Огромный свод потолка терялся где-то вверху, в непроглядной, смоляной темноте, откуда мерно, с тяжелым эхом капала ледяная вода. Воздух в ангаре буквально сдирал кожу с легких — ядовитый, едкий коктейль из концентрированного аммиака, серной кислоты и въевшейся в камни металлической пыли. Мой израненный кашель тут же сорвался с цепи, отдавшись дикой, рвущей болью в срастающихся ребрах. Пальцы рефлекторно вжались в карман, до боли сжимая холодную рукоять «Кольта».

Марта шла впереди, уверенно и бесшумно ступая по обледенелым, звенящим под ногами металлическим мосткам. В ее руке ожил мощный галогеновый фонарь, пропоровший лучом вековой полумрак.

— Три дня назад мой главный технолог, профессор Архипов, внезапно выпал из всех сетей связности. Чеканила она шаги, не оборачиваясь и не сбавляя темпа. — Он оставался единственным хранителем точной формулы очистки психотропного концентрата для клиники Власовой. Без его головы весь этот гигантский комбинат превратится в грудку бесполезного металлолома. Вчера вечером мы его отыскиали.

Луч фонаря резко оборвался, замерши на гигантском чугунном чане для электролиза, громоздившемся посреди заброшенного зала. Огромная ванна до краев заполнилась за-

стывшим, тускло мерцающим раствором никелевого купороса — густого, ядовито-зеленого, почти безумного изумрудного оттенка. Сверху эту мертвую гладь уже затянула тонкая, хрупкая корочка льда.

И прямо в центре этого сверкающего изумрудного зеркала, вмерзший по самую грудь в химическую стынь, сидел человек.

Профессор Архипов представлял собой жуткое зрелище. Седые, взъерошенные пряди волос поседели окончательно, покрывшись полярным инеем, голова безвольно и неестественно откинута назад, а остекленевшие, пустые глаза уставились в провалившийся проем потолка. На нем белел лабораторный халат, который под воздействием химии пожелтел, покрывшись омерзительными склизкими разводами.

Но подлинный ужас крылся глубже. Кто-то хирургически аккуратно распорол халат на его груди. На мертвенно-бледной, посиневшей от предсмертной муки коже Архипова зияли три глубоких горизонтальных разреза, перечеркнутые единой вертикальной чертой. Края плоти разошлись с пугающей точностью скальпеля, обнажая заledenевшие ткани. Тот самый оттиск. Знакомый до судорог, до дрожи в коленях символ Русской Вины.

Значит, синдикат Веры и Елены, который я наивно надеялся оставить сгоревшим пеплом на Лиговском заводе, протянул свои черные метастазы за тысячи верст от столицы, прямо в сердце вечной мерзлоты.

— Ну что, детектив? — Марта резко развернулась ко мне, и холодный луч ее фонаря скользнул по моему шраму. В ее темных, непроницаемых глазах зловеще отражалось ядовито-зеленое свечение ванны. — Твои личные призраки примчались за тобой на моем бронированном эшелоне. Текст Ницценова рассыпался, но его жрецы уже здесь. Кто-то в моей системе крышует утечку сырья и кромсает моих людей, подписываясь этими театральными автографами. Найди этого крота, сыщик. Иначе следующая ванна закипит для твоей светловолосой девчонки в поселке геологов.

Я шагнул к самому краю чана, с трудом подавляя тошноту от приторного смрада разлагающейся в кислоте плоти. На холодном металлическом поручне мостков, прямо под поникшей рукой мертвого профессора, темнел едва заметный, свежий мазок. Крошечная капля высохших чернил. Черных, как смоль, источающих сквозь едкий аммиак тончайший, невыносимый шлейф горькой полыни и белого мускуса.

Она не сгорела. Она продолжала игру, в которой проигравшему суждено навеки уйти на дно.

Часть 2. Кровь на никеле

Глава 3. Поселок геологов

Старый «Форд» отчаянно швыряло по обледенелому, горбтому грейдеру, словно пустую спичечную коробку в эпицентре шторма. Полярная пурга обрушилась на Заполярье внезапно, как удар ножа под ребра. Липкие, тяжелые хло-

пья черного снега, до отказа смешанные с едкой сажей комбината, слепо летели прямо в лобовое стекло, напрочь стирая любые границы между свинцовым небом и промерзшей, омертвевшей землей. Дворники судорожно захлебывались в этой грязи, фары беспомощно вязли в грязно-белой крупе, а изнуренный двигатель был на пределе возможностей, из последних сил выгрызая путь на крутые подъемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.